

**Апресян
Рубен Грантович**

**Комментарий к книге А.В. Прокофьева «Воздавать каждому
должное... Введение в теорию справедливости».**

Книга А.В. Прокофьева не типична для современного российского морально-философского процесса. Она монографична – она посвящена проблеме справедливости. Она объемна – в ней более пятисот страниц. Она дискурсивна – в книге четырнадцать глав, и, за редким исключением, в каждой главе представлены дискуссии по соответствующей проблеме, которые идут в современной мировой философии. Опосредованно к ним, включаясь в них, А.П. формулирует свои тезисы и развивает свои рассуждения. Кому-то может показаться, что автор слишком увлекается трансляцией мирового мыслительного опыта, касающегося проблематики книги. Мне же кажется, что такая трансляционная работа очень важна: все-таки мы достаточно оторваны от литературного потока современной мировой этики. Своей книгой А.П. выполняет важную и отнюдь не простую культуртрегерскую функцию, представляя недавние и текущие дискуссии практически по всему спектру тематики справедливости (будь книга снабжена библиографией и именованным указателем, это было бы очевидно каждому, к ней обращающемуся).

Представление этих дискуссий русскому читателю помимо чисто информационного значения важно и тем, что расширяет и уплотняет дискурсивный контекст теории справедливости, раскрывает возможные связи понятия справедливости с другими этическими понятиями и тем самым проясняет место справедливости как порядке морального мышления, так и в ансамбле этических категорий. В ряде случаев предлагаемые реконструкции дискуссий расширяют уже имеющиеся у русского читателя представления. Таковы, например, проблемы разделения общей и частной справедливости, справедливости наказания, распределительной справедливости, справедливой войны; и то, надо сказать, благодаря своей эрудиции автор задает гораздо более широкий, в сравнении с известным, план этим темам. Но в книге представлены дискуссии по вопросам, которые у нас освещались ограниченно, а то и вообще не освещались. В литературе последних лет можно встретить обсуждение проблем области справедливости, отношения к будущим поколениям, глобальной справедливости, восстановительного правосудия. Примечательно, что в значительной части это будут статьи самого А.П., и в книге они получили творческое развитие. Социобиологические аспекты справедливости, проблемы справедливости в семейных отношениях, проблема презумпции равенства, типология справедливости специально в нашей литературе не обсуждались, и в этом плане книга А.П. особенно значима.

Хотел бы специально остановиться на двух вопросах, и оба связаны с Аристотелем. Несмотря на появление в последние годы на русском языке нескольких книг и немалого количества статей, посвященных справедливости (помимо нашего автора, можно указать на работы Б.Н. Кашникова, Г.Ю. Канарша, М.И. Козлова, В.Н. Кузнецова) в самых разных историко-мыслительных и теоретических контекстах, Аристотель и его учение о справедливости сохраняет свое центральное значение для подавляющего большинства

исследований и разработок (впрочем, это касается и многих других основополагающих концепций в этике). Надо сказать, это и понятно, и не понятно. Понятно, потому что Аристотель институционализирует этику и задает круг проблем и обсуждений, которые сохраняют для последующей этике свое значение базовых. Не понятно, потому что в своей теории справедливости Аристотель референтен определенному социально-политическому опыту – опыту полиса, которому свойственна теснейшая переплетенность нравственного, правового и политического, которому свойственна широчайшая демократия при крайней численной ограниченности тех, кто обладает статусом гражданина и, стало быть, включен в нее. В рецепциях Аристотелевой теории справедливости эти обстоятельства, как правило, не только не рефлексированы, но и не фиксируются в качестве значимых. Думаю, по отношению к аристотелевскому анализу справедливости необходима дистанцированность. Для работающего с Аристотелем в русском переводе требуется двоякая дистанцированность: не только по отношению к его теории, но и по отношению к его переводу на русский.

При всех достоинствах перевода «Никомаховой этики», предпринятого Н.В. Брагинской, я вижу в нем, по крайней мере, один недостаток, а именно, использование переводчиком термина «правосудность» для перевода греческого слова «dikaiosynē». Я знаком с разъяснениями самой Н.В. Брагинской на этот счет, понимаю ее лингвистические резоны и даже восхищен ее попыткой восстановления по мере сил в переводе на русской лексической базе всего состава однокоренных слов, обнаруживаемых в тексте трактата. Однако Брагинская использует и слово «справедливость» для перевода греческого слова «ison», и здесь она не обеспокоена образованием лексического однокоренного семейства, так что слова на базе этого корня переводятся с использованием как слова «справедливость» и производных, так и слова «равенство» и производных¹. Нельзя при этом не заметить, что при использовании в переводе слова «правосудность» Брагинская все равно подвергла это слово определенному семантически-коннотативному надлому. Не говорю о том, что в результате этой остроумной инициативы «Никомахова этика» в русском переводе выпадает из мирового аристотелеведения: во всех языках «dikaiosynē» переводится словами, соответствующими русскому слову «справедливость», а «ison» – соответствующими русскому слову «равенство», и это отвечает многовековой традиции чтения Аристотеля. Использование термина «правосудность» допустимо, когда речь идет только об Аристотеле и обсуждение ведется не критически, изнутри Аристотеля, но употребление этого термина в контексте рассуждения о справедливости в общем смысле этого слова, а тем более в соотнесении с выводами иноязычных комментаторов, благополучно не ведающих о новации русского переводчика, провоцирует терминологический, коннотативный и интерпретационный разрыв. Так вот, даже в тех немногих случаях, когда А.П. пространно цитирует Аристотеля, как, например, на стр. 119–123, посвященных аристотелевскому учению об общей и частной справедливости, когда термин «правосудный» обойти нельзя, А.П. *оставляет без исследовательского внимания* использование русским переводчиком не только слова «правосудный», но и слова «справедливый», иными словами, он либо не чувствует, либо не принимает в расчет возможность при таком словоупотреблении чувствительного смыслового «двоения» у вдумчивого читателя.

---

¹ Брагинская Н.В. Комментарии // Аристотель. Соч. : В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 715–716, 718.

У меня осталось впечатление, что, несмотря на масштабность книги по объему и по замыслу, в ней не нашлось достаточно места для *целостного* представления теории справедливости Аристотеля, ее критического анализа, рационализирующей деконструкции, хотя именно от А.П. как многознающего теоретика морали я бы ожидал это прежде всего.

Критическому разбору подлежит, на мой взгляд, концепция Аристотеля об общей и частной справедливости. А.П. упоминает в книге и тем самым напоминает мне, что я уже высказывал несколько лет назад сомнение относительно уместности сохранения такого разделения в современной этике. Осваивая книгу А.П., я дополнительно утвердился в том своем мнении. Характерно, что А.А. Гусейнов в статье «Справедливость» в «Новой философской энциклопедии», обозначив это разделение у Аристотеля, основное внимание уделяет анализу общего понятия справедливости, прослеживая его развитие в истории моральной философии, а А.П., рассказав об этом разделении и предъявив критику Аристотеля со стороны Б. Уильямса, затем основное внимание концентрирует на том, что Аристотель отнес бы к частному понятию справедливости. В своем сомнении я исхожу из того, что описание общей справедливости у Аристотеля, а в еще большей степени как она воспринимается комментаторами, весьма близко тому, как в современной моральной философии понимается сфера общественной нравственности вообще. В соотношении с ролзовской теорией справедливости это впечатление только усиливается: у Дж. Ролза я обнаруживаю пассажи, где он в терминах справедливости обсуждает проблемы, воспринимаемые мной как общеморальные, и в этом я усматриваю расширение предметизации категории «справедливость». Но если мы примем во внимание политико- и социально-ориентированный характер аристотелевской этики, мы можем предположить даже большее: общее понятие справедливости несет в себе содержание, близкое современному (т.е. складывающемуся в Новое время) понятию морали. Подступ к такому пониманию я нахожу в тезисе А.П. о том, что общая и частная справедливость у Аристотеля представляют целое и часть. Однако простого обозначения – «целое» и «часть» – недостаточно; необходима теоретическая интерпретация этого тезиса средствами, внешними самой этике Аристотеля. То, что делает А.П., представляет интерес: он пытается, прибегая к кооперации с разными мыслителями, адаптировать аристотелевское разделение к современному восприятию; одновременно он подстраивает взгляды позднейших авторов к аристотелевским представлениям об общей и частной справедливости и таким образом актуализирует концепцию Аристотеля. Но теоретический эффект такой актуализации для меня не очевиден.

И еще один вопрос. Хотя во Введении А.П. подчеркивает, что справедливость – это сугубо нормативно-этический концепт, в книге этот концепт анализируется многогранно. Справедливость, в первую очередь, рассматривается как ценность, как требование, как обязанность, как переживание, но наряду с этим в ней можно различить и философско-этическое, «теоретико-познавательное» (как бы сказал сам автор) рассмотрение этого феномена. Я вижу это главным образом в теме, которая в монографии подается в связи с предметизацией категории «справедливость». Это – важная проблема, и обычно она именуется проблемой «области справедливости». Как я отметил выше, именно благодаря А.П. дискуссии по этой проблеме были представлены несколько лет назад в нашей литературе. Посвященная этой проблеме отдельная глава построена как реконструкция наиболее фундаментальных в истории мысли подходов к этой проблеме (в качестве

таковых выбраны теории справедливости Аристотеля и Юма) и ее интерпретация в современных дискуссиях (прежде всего Ролзом). Речь здесь идет об условиях возможности справедливости (применения этого критерия), и я полагаю, что это философско-теоретический, а не нормативно-этический вопрос; во всяком случае именно таковым он предстает у Аристотеля, Юма и Ролза. Развивая свое обозрение, А.П. замечает, что «Ролз умело «привил» юмовскую концепцию к стволу теории общественного договора» (С. 149). Помимо сообщения о Ролзе я вижу в этом и постановку насущной задачи – «привить» проблематику «области справедливости» к позитивной авторской концепции справедливости. В разделе II эта проблематика после общего историко-этического введения развивается на различных тематических площадках – человеческая природа, космополитическая справедливость, справедливость в семье, справедливость по отношению к будущим поколениям. Тем самым справедливость оказывается предметом комплексного рассмотрения, при котором философско-теоретический, нормативно-этический и этико-прикладной аспекты оказываются органично связанными и переходящими друг в друга. Этот методологический опыт, самим А.П. не рефлексированный, нуждается в дополнительном анализе, и его результаты обещают быть убедительно продуктивными.

Завершая, с чего начал, хочу выразить свою уверенность, что книга А.П. прочно войдет в исследовательский и преподавательский обиход. Еще долго без нее не сможет обойтись ни один исследователь проблемы справедливости, да и многих сопредельных проблем, удачно высвеченных в оглавлении. Книга найдет благодарных читателей в лице преподавателей общественных дисциплин и высокомотивированных студентов. Не убежден, что она будет воспринята обычными студентами, а также широкой публикой: все-таки книга – не для обычного читателя, да и А.П. – автор суровый, и по отношению к читателю не отличается особенной дружественностью. Впрочем, констатируя это с некоторой инвективой от меня как читателя в адрес автора, не сомневаюсь, что ничто из сказанного выше в качестве хвалы от этой инвективы не потускнеет.